

1139-4012.05
(ген.)
Коновальчук Михаил

Михаил КОНОВАЛЬЧУК

Фауна по имени Флора

Киносценарий

Окончание.
Начало см. №№ 31-32, 33-34,
36-36, 37-38

Кир подошел к стойке, кивнув всем, и бухнул:
— Кальвадос!

Ли Бо обрадованно кивнул по-корейски "нет", что у них означало "да", и налил граммов 150.

Кир подошел к столу, с улыбкой обвел глазами собравшихся.

— О судьбе говорим, о совести, — сказал Гарик.

— Гм... — удивился Кир, — зачем? Будете собаками!

— В смысле? — загудел Валеев.

— Зачем все эти беспредметные фантомы, облаченные в слова? — он поднял стакан. — Дайте в себе проявиться божественному началу! Отпустите на свободу то, что в вас заложено. Будете собаками! Прислушайтесь к себе и, если что-то вам не хватает, — идите и ищите, как ищет больной пес травку в лесу... — посмотрел Кир на Малыша.

Малыш со стаканом лимонада внимательно слушал.

— А как насчет баб? — грубо сказал Валеев.

— Да, девушек? — переспросил Гарик.

— Когда пес хочет, то, не обращая внимания на тьяканье соперников, берет свою болонку на глазах у всех, иже еси в природе.

— Да-а, — сказали все вдруг одновременно.

— Действительно все просто.

— А чем проще, тем сложнее.

— И верней.

КОМНАТА ЛИ БО. ВЕЧЕР.

Кир вошел к Ли Бо с заднего крыльца.

Ли Бо, закончив основную торговлю, подсчитывал убытки.

— А-а, — по-восточному приветствовал Ли Бо Кира, — садись, гостем будешь.

Кир оглядел помещение — ничего особенного: широкая кровать, циновки, на пустой стене огромный иероглиф.

— Знакомые письмена, — задумчиво сказал Кир.

— А, да. Конфуций... "Я мир познаю, не выходя из хижины". По делу или просто? — поинтересовался Ли Бо.

— С дружеским визитом, — улыбнулся Кир.

— А! Хорошо, — радовался Ли Бо и, качая головой, подбивал расходы в книге "дебет-кредит".

— Слух прошел — жениться собрался?

— Да, да, женюсь, пожалуй.

— Дело хорошее.

— Надо-надо, Кир, — кивал головой Ли Бо, заканчивая расчеты, — хозяйство вести надо, о продолжении рода думать надо. Жизнь идет, — и чем больше говорил Ли Бо, говорил с акцентом. Закурил кальян, затаился, предложил Киру. Тот не отказался. Кальян был затейливый: в прозрачной сфере его плавала змейка.

— Ну, а невеста-то как? Согласна? — критически оглядел Кир Ли Бо.

— Не знает еще... Будет согласна. Меня все зенщины любят — от такой до такой, — показал уровни над полом Ли Бо.

— Ну, а может, возьмет и откажется?

— Куда откажется? Что ей делать? Кого искать? Я ей раз в месяц аборт делаю. Совсем напередок слабая. Спасать надо. Замуж надо брать.

— Ай-ай, — тоже по-восточному посочувствовал Кир. — Так ты ее так огуливаешь?

— Не-е, почему? Кто его знает, все понемногу.

— Ай, ай, надо жениться, — подержал Кир, — надо. Корейнка она?

— Не-е, какая корейнка? Флора

какая корейнка?

— Флора? — вскопчил Кир.

— Флора! Она самая. А кто же еще?

Эх, забыли они, забыли, сколько судеб загублено из-за этого! До того, мирно беседовавшие, они стояли друг против друга, словно враги. Так два барана бьют друг друга, не жалея лба, так медведи схватываются на тропе, лоси, слоны, лошади. А человек? Он посложнее будет, пожалуй, слона, хотя и меньше по размерам. Но человек один и человек другой стали друг против друга, еще не зная, чем это кончится.

— Я тебе глаз на задницу натяну, — начал разговор Кир, глубоко затягиваясь ароматным дымом.

— Посмотрим, — резонно ответил Ли Бо. — И семо и овам.

Кир ему что-то хотел сказать из репертуара выяснения отношений, как вдруг Ли Бо сделал неувловимое движение, словно хотел пощекотать Кира, и просунул руку прямо в плоскость живота. Кир от удивления выпучил глаза. Ли Бо, покопавшись там, захватил скользкую двенадцатиперстную кишку и вытащил наружу.

У Кира всосались щеки, а глаза, наоборот, выпучились.

— Я не люблю тебя, — прошипел Ли Бо. — Я не люблю тебя за то, что мне в тебе нравится. — И выдохнул ароматный дым через ноздри, словно дракон, у которого где-то там, внутри, поыхало пламя.

Кир как стоял, так и рухнул без сознания.

МАЙДАН. У ЛАВКИ ЛИ БО. ВЕЧЕР.

Малыш увидел, как Кир вышел от Ли Бо покачиваясь.

Малыш остановился — он Кира не видел в таком состоянии.

Тот держался за горло, словно хотел сам себя задушить, словно хотел заглушить какие-то слова, которые рвались из него, словно блевотина.

Кир прошел еще несколько шагов и, рухнув, стал кататься по траве.

Пена шла изо рта.

Малыш бросился к нему.

— Кир! Кир! Что, что с тобой?

— ...Оно будет... не знаю при тебе... после тебя, — катался в пене Кир, — ...тоже не знаю... Но тебе надо знать и предостерегаться. Видишь их... не сам один помни их... но и всем сообщай... Ибо тайна беззакония уже в действии...

Кир застонал и перестал корчиться.

Затих.

Малыш стоял над ним на коленях.

Кир открыл глаза.

Посмотрел сквозь Малыша. Затем, видимо, еще не совсем приходя в сознание, посмотрел удивленно по сторонам.

— Ты про кого говорил? — спросил Малыш.

— Что? А... Он дал тебе все, а она ничего... Потому путь твой отмечен.

— Кто она?

— Что? А! — Кир крепко зажмурил глаза. — Находит на меня иногда. Следствие травмы. Иди отсюда!

— Да я в лавку, за хлебом.

— Иди отсюда. Мир велик и многообразен. Не будет потрясений, будешь воевать с соседом. Не хочешь воевать — паши, не хочешь пахать — воруй, не можешь воровать — лови. Не останавливай поток жизни. Это страшно. Стоит одной песчинке лечь на дно реки, как за нее зацепляется другая, миллионная, миллиардная... отмель, коса, обмельчание, болото, застой... Ничто... — Кир забылся.

Малыш укрыл его курткой.

У ДОМА ПАХОМА. ДЕНЬ.

— Рота, подъем! — разорвала тишину резкая команда.

Все проснулись. Оглядываясь по сторонам.

— Где я?

— В гробу, конечно.

— Что так рано?

— Отставить разговоры, выходи строиться, — скомандовал Кир.

Еще не очнувшись от сна, все

стали выходить строиться — сработало что-то истонное, как говорят, посконное. У гуся же ведь куда-то там заложено — настала пора, нагулял жиру, давай, морду клином и маши крыльями, выполняя, что там тебе предписано, иже еси в природе. То гусь! А человек? Посложней и гуся будет человек! Живет ведь внутри коллективного сознания, а выполняет команды, мать твою так, с помощью индивидуального сознания.

Морфологическая синергизация! Это не у Проньки за столом в перевертушки играть. Начинаясь новый день. Собравшиеся не то, что соскучились друг по другу, но и надоесть не успели. За время течения последних событий. Серединка, так сказать, на половинку.

Строились кое-как, с трудом сохраняя равновесие, не говоря уже о ранжире.

Диля, зардевшись от новой для нее роли под командованием такого мужчины, попробовала было покрутить задницей, но получила по ней прутиком, которым до того пощелкивал Кир по голенищу коротенького десантного сапога.

Диля ойкнула, залилась краской до самых ушей, но нарушать дисциплину строя не решилась.

Выстроились, наконец, и по ранжиру, то есть: Валеев, Пахом, Профессор, Диля, Кандыба, Малыш, Гарик, Мент, Камарделька, Анка, Коденко и еще девичьи, да потерявшийся в себе рыбак.

— Итак, мы заживем теперь дружно и весело... Да, — спохватился Кир, оглядывая строй орлиным взглядом, — а где?..

Но ее не было!

— Равняйся, смирно! — скомандовал Кир, — а теперь вольно, разойдись. Это так, для проверки боеготовности. Итак, заживем мы дружно и весело.

Но строй не подчинился.

— Разойдись была команда! — весело гаркнул Кир.

Но строй не подчинился.

— Ну, Кир, ну давай еще.

— Так хорошо.

— А я вообще мечтала стать военной, — призналась Диля, на всякий случай заложив руки за спину.

— Портмолетто! — хрюкнул Профессор.

— Что? — поинтересовалась Диля.

— Тухес! — перевел Гарик.

Диля улыбалась — видимо, комплимент.

— Да "жопа" он говорит, — про-рокотал хрипатым с похмелья Кандыба.

— Давайте так и жить, так оно проще, с одной стороны, и значительно с другой, — задумчиво продолжил Профессор.

Кир в задумчивости, по привычке, прошел вдоль строя. Все смотрели на него в ожидании, что он скажет.

— Вопросы есть?

Все следили за выражением его лица. Он извлек вкус неудач и падений, горечь разочарований и сомнений — и это видно было по его лицу. Такие лица бывают у алкоголиков, долгое время лечившихся в клинике или же в психиатрической лечебнице!

Пахом выплюнул наконец-то свой окурочек и очень грамотно вышел из строя, как положено — раз, два, круг-гом — и встал лицом перед строем.

— Ну, чем, чем я занимался? — обратился он с безответным вопросом к строю. — Я! Я художник-монументалист... Я трачу свою страсть, свой талант. На что? Блядям наколки делаю. Пью водку без закуски, вожжусь со всякой сволочью. А за чем я призван в этот мир? Может быть, я единственный из ты-

сячи, из десятка тысяч призван на это... Без меня ведь все в мире может пойти наперекосяк! Вот я залезаю в скалу. Я рублю героя изнутри. Тысячелетия все рубили снаружи, а я изнутри. Ведь никто не понимает, что вырубить просто эндокринную железу — это значит, что еще одной эндокринной железой станет больше. Нужно суметь вырубить Эндокринную Железу. То есть с большой буквы... Эх, — и встал в строй.

— А ты, что думаешь, Малыш! — встал перед Малышом Кир.

— Я не знаю, что делать! — признался Малыш.

— Если не знаешь, что делать, — делай шаг вперед! — иронично сказал Кир, повернулся к строю спиной, встал на одно колено и стал строить из кирпичей нечто вроде водонапорной башни.

Все внимательно и недоуменно смотрели на Кира.

Наконец, он достроил сооружение и критически его оглядел. Вид его вполне устроил.

Кир посмотрел на строй, словно взглядом приглашая быть внимательными и не упустить ни одной детали, затем отступил на полшага от кирпичей, остановился на мгновение.

Казалось, в воздухе что-то происходит, казалось, тело Кира загнулось как трансформатор... Многих стал бить колотун, может, похмельный, а может, и нет.

— В-ви! — нечеловечески крикнул Кир, взметнулось воронье над свалкой.

И все явственно увидели, как рука Кира медленно приближается к стопке кирпичей, медленно, чуть вздрогнув, касается первого, разламывает, и так — второй, третий и — до самого нижнего.

Гарик и Дия не выдержали — оба упали в обморок от нечеловеческого напряжения, причем он упал навзничь, она — ничком.

Кир вытер лоб, покрывшийся кирпичной пылью, размял руку, которая, казалось, была сделана из металла.

Вдруг Малыш, до того молчавший, вышел из строя.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросил Кир.

Малыш кивнул.

— Ты уверен?

Малыш снова кивнул.

— Давай!

Малыш замаялся. Стал чесать в затылке. Смотреть по сторонам.

Народ посмеивался.

Но была выставлена стопка из очередных кирпичей.

И тут Малыш не выдержал, собрался с духом и ахнул по кирпичу. Что-то хрустнуло. Но явно не кирпич.

Малыш охнул, зажал руку между колен и так пошел, согнувшись буквой "Г".

У него текли слезы из глаз.

Одновременно с криком со стороны свалки раздалось сдавленное блекотание. Но никто не обратил на него должного внимания, ибо были увлечены происходящим.

И тут появился Ли Бо. Он подошел к Малышу и вдруг что-то резко выкрикнул.

Лицо Малыша просветлело. Рука совсем прошла, и он даже постучал ею об коленку.

Кир отшел ко всем и наблюдал за происходящим с наглой и как всегда обаятельной улыбкой.

Тогда Ли Бо снова поставил два кирпича и, выставив скрюченные пальцы по направлению к Малышу, снова что-то крикнул.

Малыш испугался, беспомощно завертел головой, хотел, было броситься бежать.

В романтическом настроении появилась Флора, улыбнулась Малышу. И исчезла в лавке.

Малыш стал выполнять приказы Ли Бо, причем он их понимал! Каждой команде соответствовало определенное движение.

Малыш, казалось, двигался в каком-то танце, и каждое па этого танца было словно виток пружины. Она все скручивалась

и скручивалась, и когда, казалось, она уже загудела и готова была лопнуть, Ли Бо крикнул что-то неповторимое, но Малыш повторил и врезал по кирпичам той же многострадальной рукой.

Кирпичи разлетелись к чертовой матери вдребезги!

Малыш вздохнул глубоко и с удивлением посмотрел на кирпичи, а затем на свою руку. Кирпичи — вдребезги, а рука целая!

Все удивленно и восхищенно зааплодировали, словно дело происходило в цирке, а не на заднем дворе зачуханного барака.

— Вот что значит ориентировать атомы тела в определенном направлении, — сказал Кир, посмотрев на Ли Бо.

Не прост был Ли Бо! Ох, не прост. Даже наоборот. Он даже сам не давал себе отчета, насколько он фигура непростая. Он, может, сам себя хотел уложить во что-то более простое, понятное, осязаемое и осязаемое. Он может сам пугался тех бездн, которые открывались, когда он снимал с себя личину, достаточного непонятную для окружающих. Вот и сейчас...

— Милости прошу всех! — объявил он, помахивая краем полотенца, перекинутого через плечо. Рядом с ним появилась вся раскрасневшаяся, разряженная в кимоно и в круглых очках Флора.

Все с надеждой посмотрели на Кира.

— Не будем умножать число имеющихся сущностей, — объявил Кир. — Разойдись.

— Ну-с, продолжим? — с улыбкой спросил Кир Малыша.

— Я готов!

— Вперед! — скомандовал Кир.

И Малыш рванул по пересеченной местности.

Он то залегал, то короткими перебежками пересекал Майдан, маскировался. Исчезал и появлялся в совсем неожиданном месте.

Но Кир, словно у него там, под выгоревшими волосами, находился пеленгатор, засекал его, резко поворачивался, выхватывая как бы "Стечкина", как бы нажимал курок и каждый раз как бы сражал Малыша, причем Малыш каждый раз ощущал, как пуля проходит в сантиметре от уха, срезает веточку или же дзинькает о камень рикшетом, со шмелиным гулом уходит в никуда. Шла обычная обработка сдачи задач "П-1".

Со стороны свалки двигалась охотничья процессия. Валеев с Гариком несли шест, на котором висел мешок.

Все ошалели! Ли Бо лопоча что-то, потирал руки. Остальные тоже засуетились, но каждый по-своему.

— Клетка, клетка нужна, — суетился Ли Бо.

— Сделаем, — заверил Кандыба, осыпавшим от желания и нетерпения голосом.

— Давайте пока в подвал его, пусть отдохнет, — промолвил Валеев, и все засуетились.

Смеясь, Ли Бо приходил в известное всем состояние. Да, чуча, выдающий себя за корейца, да, лавочник, дебет-кредит. Рыбка сдавай, деньги неси и так далее.

— Ты ухо завалил, — сказал, усмехнувшись, Гарик Киру, — Малыш-то исчез!

Кир обернулся, оглядывая окрестности — Малыша нигде не было.

Кир вышел на Майдан, взял, так сказать, гранатомет к плечу, нажал спусковой крючок. Кира дернуло, и ревушая болванка понеслась к свалке, где стояла обшарпанная сараюшка.

Сараюшка дрогнула, словно кто-то ее тряхнул, а затем полыхнуло пламя, и раздался взрыв.

Доски, бревна полетели в разные стороны...

— Ни финты!.. — прокомментировал кто-то.

Из огня, дыма и обломков выскочил закопченный, в лохмотьях Малыш. Одежда на нем дымилась и еле держалась. Доковыляв до бочки с водой, он плюхнулся в нее с головой.

Малыш был несколько испуган, но доволен.

Когда он, весь в обгорелых мокрых лохмотьях, подошел к мужикам, Кир хлопнул его по плечу и похвалил.

— Молодец, Малыш! Я еще не умру, из тебя получится настоящий солдат удачи.

МАЙДАН. У ЛАВКИ ЛИ БО. ДЕНЬ. ТО ЛИ СВАДЬБА, ТО ЛИ ПОХОРОНЫ.

Стол был накрыт.

Ломиться он не ломился, но закусить было чем.

И выпить, естественно, тоже.

И откуда все берется?

Стола не хватило. Гарик с Кандыбой поднесли еще козлы и установили на них широкие доски-плахи. Они были горды собой и уселись вокруг Валеева, как три "горе-богатыря".

Появились еще какие-то люди. Ли Бо помахал им, и они деловито установили себе стол. Закусывали и бутылки "китайским способом" передавались на следующие столы, которые пристраивались в торец основному.

Разлили в стаканы.

Уже, было, хотели поднять их. Уже Ли Бо изготовился вдруг произнести тост, как издавка донесся бухающий звук — словно кто-то размеренно колотил в запертую дверь, а там за дверью кто-то звякал крышкой о кастрюльку.

Раздалась отдаленная команда.

— Выше ногу! Раз! Раз! Раз!

— Раз, два, три!

— Морская пехота! — сказал Кир. — Рота.

— Раз, раз, раз, два, три! — давал счет невидимый командир.

А Рота маршировала совсем рядом.

Пыль, поднятая кованными ботинками морпехов.

Вздрагивала и превращалась в щелчки доска, брошенная посреди дороги.

Воронье загалдело, собралось в стаю и рвануло к небесам и носилось над Бич-холлом, словно кто-то там наверху махал черным знаменем.

Невидимый БТР задел стоящий крайний столик. Посыпалась посуда.

Хрустнуло стекло.

Надсадно ревя, БТР преодолел огромный валун на краю дороги и уполз.

Понемногу рота стала удаляться.

Звуки исчезли.

Осталось только звяканье крышки и буханье барабана.

Затем остался только барабан.

МАЙДАН. У ЛАВКИ ЛИ БО. ВЕЧЕРЕЕТ. ТО ЛИ СВАДЬБА, ТО ЛИ ПОХОРОНЫ. (ПРОДОЛЖЕНИЕ).

Наконец все опять пришло в соответствие.

Снова взялись за стаканы. Посмотрели в сторону Ли Бо, рядом с которым, корейнка — ну просто совсем корейнка! — рдела Флора.

Некоторые из присутствующих уже явно успели опрокинуть под шумок и закусывали, не раскрывая рта, смахивая слезу.

Ли поднял стакан, оглядел всех доброжелательным, счастливым взглядом и стал с чувством, проникновенно говорить по-корейски.

Что самое интересное — все понимали!

Кивали согласно головами, посмеивались, одобряли, подмигивали друг другу и так далее. Одним словом, между ними происходило вышесказанное взаимопо-

нимание, где неважен был даже язык!

Сдвинули стаканы. Брякнули.

И хотя зайчик оказался невидимым при дневном свете, но его присутствие сказывалось во всем и в самых неожиданных местах.

Вдруг он зарычал зверем, попытался вздыбить несуществующую шерсть, затем взвизгнул поросенком, хрюкнул и, поджав несуществующий хвост, заблеко-тал.

Что-то необычное происходило на Майдане. Время волочилось, то ли тужась, то ли вздыхая.

Это насторожило некоторых. И они переглядывались, ища взаимопонимания. Мало ли привидится? Вроде и не отчего...

Зайчик вздрогнул и тоскливо заблеко-тал, делая вид, что не шкочил.

— Может, выпить хочет? — предположил Кандыба.

— Да ну его, пусть гуляет! — сказал Ли Бо.

Все вздохнули облегченно. Ведь, действительно, когда хочется выпить, ты уже налил, чокнулся, выслушал речь, глазом подметил, чем зажуешь, и тут тебе — ХА-ХА-ХА! Трудно найти человека, который бы выдержал подобное испытание.

Зайчик и не подумал уходить. Наоборот, он подошел к столу, приносиваясь, поглядывая доброжелательно на собравшихся.

— Ну, помолчи, помолчи, пожалуйста, — попросил Кандыба, слезно поднося стакан к губам и кося глазом на насмешника.

Но вдруг какое-то хихиканье раздалось у него за плечом. Кандыба дернулся и выплеснул стакан на голову Гарика.

— Падла вербованная! — выругались одновременно Кандыба и Гарик, имея в виду не одно и то же.

Гарик тоже косил в сторону и, залудив миглом стакан, совсем ослонел, и стал гладить что-то невидимое, словно большую собаку или любимую женщину.

Вскоре он вовсе отвалился, поглаживая пустующее пространство, что-то приговаривая на своем кавказском наречии.

— Ну, Гарик! На втором стакане крыша съехала, — покачал головой Валеев.

Но это было только началом!

— За вас всех! — выпила вина Флора, строя глазки неизвестно кому, может, самой себе.

Дия крутила носиком, словно пионерка в парадняке.

— Ну, пусть хоть кирпичи с неба падают! — объявил Кандыба и принял "на грудь".

Все дербализнуло, как полагаются, закусили, заговорили.

И вдруг Ли Бо со стаканом застыл, хотя, в общем-то хотел было выпить.

Все посмотрели туда, куда смотрел Ли.

А к столу шло, растопырив руки с торчащей из рукавов шваброй и метлой, Пугало.

Однако!

Лицо его было исклевано птицами, и голова обгажена изрядно.

На грязном лице видны были следы от слез...

Пугало подошло к столу, наклонилось, взяло зубами стакан, кем-то оставленный, и, не прибегая к помощи рук, жадно выпило до дна!

— Пошел отсюда, — рявкнул мент, — тыдыканный конь!

Пугало поспешило прочь.

Кто улыбнулся, кто засмеялся, подняли стаканы, как раздался ужасающий хохот.

Всем стало не по себе!

Понемногу оправившись и снова сдвинули стаканы.

И только живительную влагу — как в дурдоме!

Профессор, например, до чего человек материалистического направления ума, да и тот, чтобы избежать лишних тревожений, закрыл глаза ладонью, отвернулся и выпил!

Неожиданно появился Малыш.

Был он как-то по-особому настроен, как говорится, "трын-трава-не расти".

Вырос Малыш, возмужал, появился в глазах Малыша какой-то новый блеск, какое-то другое выражение на лице.

То ли свадьба, то ли похороны шли своим чередом. Никто, кроме Ли Бо, Флоры и Кира, не придали значения появлению Малыша.

— Мне пора, — произнес Малыш.

— Пора, — сказал Кир и, порывшись в кармане, достал гранату РГ-1.

— Бери, пригодится.

Малыш сунул в карман гранату.

— Малыш, ты куда? — сказала Флора, и у нее из глаз потекли слезы.

Малыш не ответил, только сощурил глаза.

Ли Бо подошел к Малышу и протянул ему сверток, пожал руку.

Малыш поднял над головой руки, пожал их, поднятые, и, ни слова не сказав, быстрым шагом пошел по пыльной дороге среди расцветающего поля.

За ним блекоча и похохатывая, бросился зайчик.

А похоронно-свадебное застолье из приставных столов и козел с неведомыми людьми тянулось за гору все дальше и дальше...

ПОЛЕ. КУ-КУ-КУ-КУ.

Малыш достал гранату из кармана и, словно мячик, бросил ее высоко в небо. Пробежал и поймал ее...

— Ку-ку-ку! — твердила свое кукушка.

...Снова бросил...

— Ку-ку-ку-ку...

...Поймал и, снова бросив, пошел прочь.

Тишина. Долгая, томительная.

Малыш уже почти скрылся за горизонтом, когда ахнул мощный взрыв.

Бичхол, поселок со всеми своими домами, пакгаузами, свалкой, Горой и прочей чепухой прошлой жизни взлетел на воздух.

Гигантский гриб, словно атомный, образовался на месте поселка и осел.

Только с небес летел какой-то кусок металла, медленно планировал, медленно и долго.

Малыш остановился, оглянулся.

Поселок простирался, как на ладони. Стояли столы. Курился дымок на месте ЦПХ, даже видно было, как парит картошка в большом котле. Но вокруг не было ни души.

Кукушка все считала. Малыш шел.

Он снова посмотрел на поселок.

Он был пуст и, казалось, мертв — ни еды, ни дымка. Только свищет тоскливый ветер, да хлопают ставни на мертвых домах.

Кукушка все считала.

Черно-серое поле — тоскливое и холодное. Какое бывает только в конце осени и начале зимы. Между зимой и осенью.

Хриплый простуженный, металлический голос кукушки.

— Ку-ку-ку-ку! — считала кукушка. И так — до бесконечности...

F I N

• Марк Шагал